

О. В. КУРОПАТКИНА

Этническая и религиозная самоидентификация «новых» пятидесятников в России: конфликт или синтез?

Пятидесятничество — это протестантская конфессия, зародившаяся в США в начале XX века. Она названа в честь праздника Пятидесятницы, когда, согласно Деян. 2, Дух Святой излился на учеников Христа в Иерусалиме и они начали говорить на «иных языках». Пятидесятники считают себя преемниками этой апостольской традиции.

Пятидесятничество представлено в России следующими направлениями: «традиционным» (Объединенная церковь христиан веры евангельской — ОЦХВЕ, «федотовцы»), «умеренным» (примерно половина общин Российской церкви христиан веры евангельской — РЦХВЕ) и «новым» (практически весь Российский объединенный союз христиан веры евангельской — РОСХВЕ; примерно половина общин Российской церкви христиан веры евангельской — РЦХВЕ, часть общин межденоминационных Ассоциации христианских церквей «Союз христиан» — АХЦ и Северо-Восточного союза евангельских церквей — СВСЕЦ, ряд независимых церквей и миссий).

Перед пятидесятничеством, особенно «новым», остро встал вопрос соотношения этнической и религиозной самоидентификации. Возникла трудноразрешимая проблема: как, оставаясь протестантами, сохранить национальную идентичность? Отметим, что стратегии инкультурации и соответственно особенности этнической самоидентификации у пятидесятников отличаются в зависимости от того, находятся ли они в нерусской или русской этнической среде.

НЕРУССКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ СРЕДА

«Новые» пятидесятники провозглашают уважение к национальным обычаям и любовь к народу, которому они проповедуют. Этого принципа придерживаются и такие американизированные объединения, как «Мировая жатва»: Акоп Мкртумян говорит, что «мы не приходим к людям в американских джинсах, жуя американскую жвачку. Мы проповедуем Христа, Который близок всем, а не американскую веру». Многие миссионеры используют национальные обычаи: танцы и музыкальные инструменты. Миссия «Благая Весть» на Дальнем Востоке согласна принять любые национальные обычаи, кроме шаманизма и пьянства. Какие-то общины даже празднуют национальные праздники: например, церкви «Слово жизни» (Улан-Удэ) — буддистский Новый год, а якутское «Слово жизни» — весенний праздник Ысах; пастор говорит, что он сходен с праздником Пасхи. Пятидесятнические миссионеры стремятся придать национальным традициям христианский смысл: епископ Павел Тимченко (Северо-восточный союз евангельских церквей) рассказывает, что у эвенков есть обычай ставить перекладину из веток: они считают, что она обладает магической силой. Миссионеры говорят эвенкам, что крест Христа спасает людей так же, как и их священная перекладина.

«Новые» пятидесятники стремятся перевести Евангелие на языки малых народов: Церковь «Новое поколение» (Анадырь) сотрудничает с институтом перевода Библии и ждет, когда Писание выйдет на чукотском языке. В церквях Адыгеи, Бурятии, Дагестана, Коми, Чувашии уже есть свои национальные переводы Евангелия. Богослужение в церквях Республики Алтай, Дагестана, Калмыкии, Якутии часто ведут на языке местного населения.

Как следствие такой миссионерской политики, церкви «новых» пятидесятников пополняются обращенными из малых народов: в общинах Адыгеи, Камчатской области, Карачаево-Черкессии, Марий-Эла, Северной Осетии, Чувашии от 50% до 80% местного населения. «Источник жизни» (Сыктывкар), «Хайкаручи» (Казань), Сун Бок Ым (Кызыл), Марийская харизматическая церковь — полностью или почти полностью национальные церкви. Еще один важный момент: в отличие от, например, корейской миссии «Благодать», которая старшим пастором в большинстве случаев ставит корейца, в национальных церквях «новых» пятидесятников

буряты, чукчи, эвенки, башкиры, татары и коряки становятся полноправными руководителями своих церквей.

Отметим, что благодаря жестким пятидесятническим принципам морали коренные народы меняют свой образ жизни: перестают пить, принимать наркотики, устраиваются на работу. Исследователь Сергей Филатов назвал пятидесятнические общины «маяками национального возрождения»*. При этом, однако, как отмечает религиовед Юлия Ковальчук, «протестантизм в этнических сообществах часто актуализирует этническую идентичность, но при этом нивелирует культурную самобытность этнических групп через формирование надэтнической, протестантской идентичности»**.

РУССКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ СРЕДА

С инкультурацией в российское общество все сложнее. Изначально церкви «новых» пятидесятников были основаны иностранными, чаще всего американскими, миссионерами или возникли в традиционной пятидесятнической среде под их очень большим влиянием и воспринимались обществом как носители американской культуры, да и были таковыми, что предполагало неизбежный конфликт между этнической и религиозной идентичностью. В настоящее время можно выделить три точки зрения по поводу разрешения этого конфликта: фундаменталистскую, позицию интеллектуальной элиты и среднюю между ними позицию большинства церквей «новых» пятидесятников.

Церкви фундаменталистского толка (самые известные — филиалы церквей «Новое поколение» с центром в Риге и «Посольство Божье» с центром в Киеве) не ставят перед собой цели инкультурации. Пасторы церквей «Свет веры» и «Вехи веры» (Великий Новгород) даже специально подчеркивают, что считают себя наследниками не традиционного российского пятидесятничества, американских «материнских» церквей. Церковь Последнего времени (Красноярск) открыто провозглашает ориентацию на западные

* Филатов С. Б. Христианские религиозные сообщества России как субъекты гражданского общества. <http://www.cef.ru/5/5/a/1421/p/1/>

** Ковальчук Ю. С. Стратегии евангелизации этнических сообществ в протестантской миссиологии в XX в.: от теории к практике // Религиоведение. 2008. № 1. С. 34.

ценности — в этом она видит свою любовь к Родине. По мнению «новых» пятидесятников-фундаменталистов, прошлое России представляет собой сплошной мрак невежества и богоборчества; необходимо принять истинную веру, отметя культуру и «мертвые» традиции. Патриотизм воспринимается как забота о процветании страны, построение теократического государства (с правительством «верных») и обращение его граждан в «новое» пятидесятничество. Пятидесятники-фундаменталисты часто осуждают «православный» патриотизм: они считают, что разговоры об особой роли России — нелепость, что России нужно идти по западному пути; при этом они не одобряют западную массовую культуру.

Интеллектуальная же элита «новых» пятидесятников с конца 1990-х годов стала искать собственный культурный путь. Это произошло и потому, что эти общины этнически «обрусели», и потому, что пасторы были обеспокоены охлаждением к вере своей паствы, тем, что они перестали воспринимать «американское христианство», и потому, что «новые» пятидесятники хотели быть приняты обществом, в котором они живут. Для этого нужно было искать свои корни в русской культуре, доказать, что они — «свои» для нее. По мнению Ассоциации христианских церквей, у «новых» пятидесятников слишком короткая история в России, они не могут похвастаться древней традицией. Зато «евангельское движение» появилось давно: его предтечи — стригольники (отвергали почитание икон и святых) и Нил Сорский (критиковал «богатую церковь»; его внимание занимали исключительно личные отношения с Богом); таким образом, «мини-реформация» произошла в России раньше, чем великая Реформация в Европе. «Новые» пятидесятники находят своих предшественников и в староверах (жили согласно протестантской этике), и в молоканах (учили о Святом Духе), и в Иване Проханове (лидер евангельского движения). По мнению Владислава Бачинина и Игоря Никитина (Ассоциация христианских церквей), в русской культуре изначально присутствовал дуализм: «византизм» (бездуховность и лицемерие официальной церкви) и «евангелизм» (стремление к самостоятельному поиску живого Бога).

Пятидесятнические интеллектуалы стремятся изучать историю евангельского движения, у них есть свои «герои веры» — стригольники, молокане, хлысты, духоборы, штундисты, евангельские христиане, традиционные пятидесятники, которые пострадали за свои убеждения в царские и советские времена.

Смысл этого российские пятидесятники видят в том, чтобы совершить синтез протестантизма и российского православия и таким образом создать самобытное богословие, которое не зависит от американских образцов и не будет вызывать отторжения у русских людей. Однако по вопросу «русификации» есть несколько точек зрения. Одни считают, что нужно обратиться прежде всего к классической русской литературе для того, чтобы быть ближе к своему народу и чтобы проповедь была успешнее, а также для того, чтобы в России появились свои авторитетные лидеры. Другие считают, что нужно приобщиться не только к производным, но и к духовным корням российской культуры — православию, при этом оставаясь последовательными протестантами. Они стараются найти протестантские корни в российской культуре и «евангельскую традицию» в русском православии и таким образом, отвергнув «византизм», считать себя православными по духу, а не по букве. Третьи свое увлечение православием превращают в своеобразную эклектику: в церквях ассоциации «Виноградник» (центр в Красноярске) могут висеть православные иконы, верующим из Ивановского христианского центра разрешают исповедоваться в РПЦ, наконец, в Свободной Православной церкви в Калининграде (это именно пятидесятническая, а не Православная церковь) служится литургия восточного обряда, а наряду с глоссолалией практикуется Иисусова молитва. Четвертая группа предлагает не слепое копирование православных традиций, а творческий синтез. Яркий представитель подобного взгляда — пастор церкви «Дом Отца» (Москва) Михаил Дубровский. Пастор считает, что, несмотря на все усилия интеллектуалов, рано праздновать победу: харизматическая церковь не нашла еще свой путь. Богословие должно быть осмыслено в контексте российской культуры и отвечать на российские вопросы и проблемы, на которые не могут ответить книги американских авторов. Появление «богословских звезд» на Украине, пусть и не мирового масштаба, и отсутствие таковых в России Михаил Дубровский объясняет тем, что на Украине гораздо лучше, чем в нашей стране, сохранились старые пятидесятнические традиции, к тому же Православная церковь из-за своей раздробленности не так сильна, как в России, и «новые» пятидесятники не тратят время и силы на защиту от недоброжелательного сильного соседа.

Дубровский полагает, что в истории любого религиозного движения есть четыре стадии: 1) появление харизматических лидеров

и образование вокруг них группы последователей; 2) существование в качестве секты — уверенность в своей стопроцентной правоте, восторженность, отвергание всего, что выходит за пределы понимания религиозной группы; 3) оформление своего богословия; 4) общественное признание. Пастор думает, что харизматические церкви находятся на третьем этапе. То, что говорится на официальных конференциях, и живой богословский поиск существуют в разных плоскостях, не потому, что начальство кого-то притесняет, а потому, что пасторы решают насущные вопросы и мало задумываются о более глобальных проблемах. Однако каждому свое: Дубровский считает, что, например, Сергею Ряховскому не нужно быть богословом: он талантливый лидер, который сумел убедить людей очень разных взглядов в том, что им нужно быть вместе; а если бы он заявил жесткую богословскую позицию, ему никогда бы не удалось создать такую ассоциацию, как РОСХВЕ, в которой предоставлена очень большая духовная свобода для самых разных точек зрения.

Основная часть «новых» пятидесятников придерживается средней позиции между интеллектуалами и фундаменталистами. По поводу теоретических вопросов инкультурации они высказываются больше декларативно; любовь к Родине они прежде всего видят в молитве за ее покаяние. Впрочем, их больше волнуют практические «козыри» для «принятости» обществом, как то: строгая нравственность, крепкие семьи, реабилитация алкоголиков и наркоманов, четкое выполнение гражданских обязанностей, честное и ответственное отношение к труду.

Пятидесятники считают, что они должны, помимо молитвы, влиять на общество своим нравственным примером. Резкий протест вызывает, например, гомосексуализм: в нем видится угроза благосостоянию страны.

Любовь к Родине — это прежде всего, по мнению «новых» пятидесятников, активная любовь к ее гражданам, которую они выражают, помогая алкоголикам и наркоманам реабилитироваться и стремятся на этой почве сотрудничать с государственными органами.

Также пятидесятники стремятся построить в России «общество обеспеченных людей». В связи с этим нужно упомянуть о «теологии процветания», которая предполагает, что христианин должен быть богатым и здоровым. Проповеди американских проповедников о процветании были поняты в чисто русском духе: если человек

уверовал, то ему ничего уже не надо делать, а деньги будут сыпаться с неба. Павел Савельев, лидер ассоциации «Харизма», в связи с этим заметил, что «новые» пятидесятники в России совершенно не поняли пуританский культурный бэкграунд, который стоит за проповедями американских евангелистов. Для самых ярких сторонников «теологии процветания» на Западе совершенно очевидно, что труд — необходимое и само собой разумеющееся условие «благословения». Разочарованных было достаточно и на Западе, однако их обиды были связаны скорее с тем, что им пообещали, что честный труд принесет им «финансовый урожай». Это же имел в виду и Алексей Радчук (представитель миссии «Вселенная — Иисусу»), когда говорил, что немало людей пришло в церковь, надеясь устроить свои дела по принципу «по щучьему веленью», однако, естественно, у них ничего не вышло; поэтому с обидами многие ушли из общин «новых» пятидесятников. Надо сказать, что она вызвала наибольшие упреки со стороны внешних людей, которые на основании «теологии процветания» обвиняли «новых» пятидесятников в приверженности западным ценностям, а следовательно, «нерусскости». Необходимо было искать баланс между соответствием религиозным постулатам и национальным менталитетом.

Павел Савельев (епископ ассоциации «Харизма») полагает, что должен быть баланс между «теологией богатства» (служение Богу только ради денег) и «теологией бедности» (уверенностью в том, что христианин не может быть обеспеченным человеком). Епископ Павел Тимченко (Северо-восточный союз евангельских церквей) думает, что служить Богу надо не из-за денег; однако, по его мнению, «теология процветания» помогла многим необеспеченным людям подняться. Пастор церкви «Солнце Правды» (Липецк) считает, что не нужно акцентироваться на «благословениях», чтобы не уподобляться язычникам; нужно служить Богу, и все приложится. В целом «новые» пятидесятники с начала 2000-х гг. меньше стали говорить о деньгах, а обратились к истокам: призывая верующих, прежде всего, к честному труду во славу Божию; к проявлению в личной деятельности таких христианских добродетелей, как ответственность, порядочность, активность и целеустремленность. Только так, в соответствии с «евангельской экономикой», можно разрешить экономические проблемы России и построить общество, где честные бизнесмены будут трудиться для процветания своей страны. Пастор Сергей Филинов (церковь «Миссия живой

веры», Москва) в своем исследовании по проблемам трудовой этики отмечал, что одна из важных задач пасторской проповеди и деятельности состоит в необходимости, с одной стороны, объяснять верующим ответственное отношение к своей работе и объяснить, что некачественный труд недопустим нигде: ни у верующего, ни у неверующего работодателя; а с другой — отучать россиян от привычки к халтурной работе.

Кроме того, «новые» пятидесятники все больше говорят о страданиях. Наиля Аглиуллина, пресвитер церкви «Краеугольный камень» (Казань), считает, что христиане должны быть устремлены в Царство Божие (что, скорее всего, предполагает неблагополучие в этом мире), а не стремиться удобно устроиться в этом мире. Сергей Римашевский утверждает, что так как «последние времена» уже наступили, то «в Божьи планы не входит уберечь христиан от трудностей, а Церковь от години искушений»*. Сергей Филинов, пастор церкви «Миссия живой веры», говорит, что в его церкви больше распространена проповедь о страдании, которая больше соответствует как христианской жизни, так и российскому менталитету.

Один из «козырей» пятидесятников в игре за «вписанность» в культуру — приверженность семейным ценностям и исключительное внимание, которое уделяется отношениям супругов и воспитанию детей. Это давняя пятидесятническая традиция, которую отмечали еще советские исследователи. Пятидесятники утверждают, что их семейная политика (многодетные семьи, роль мужчины как главы семьи) — конкретный ответ на демографический кризис в стране. Кроме того, они считают, что придерживаются традиционных для России ценностей и уже поэтому могут с полным правом считаться и подлинно русскими, и патриотами.

Важный пункт поведения пятидесятников — отношение к государству. В основном они подчеркивают необходимость повиновения властям и то, что нужно молиться за них. При этом верующие считают своим долгом отстаивание перед чиновниками своих гражданских прав; в этом им видится свой вклад в дело построения справедливого гражданского общества в России. Так, например, пастор Томского христианского центра говорит, что отделяет Родину от государства. За Родину нужно молиться, де-

* Римашевский С. Ранний и поздний дождь Святого Духа. Казань, 2006. С. 13.

лать все для ее процветания, к государству же у верующих есть претензии, поэтому молиться за чиновников нужно еще больше. Пастор Валерий Гареев (церковь «Солнце Правды», Воркута) говорит, что патриот должен сделать на своем месте для своей страны все, если это не противоречит его вере. Особняком стоит церковь «Преображение» (Кострома): на сайте церкви есть статья, в которой говорится, что России не нужно полагаться на Запад, она возродится самостоятельно, а строй в стране будет близок к коммунистическому (естественно, при этом не безбожному)*.

В отличие от своих собратьев-фундаменталистов, основная часть «новых» пятидесятников отрицательно относится к теократическому государству и к прямому участию церкви в политике (не отрицая, впрочем, важность присутствия верующих людей в органах власти).

Наконец, отметим, что есть пункт, по которому сходятся все три вышеперечисленные точки зрения. Это идея всенародного покаяния. Молитва за него и содействие этому делу мыслится «новыми» пятидесятниками как их долг как граждан России. По мнению «новых» пятидесятников, русский народ должен покаяться за десятилетия безбожной жизни, иначе Россию ждет Божий суд. Отсюда жажда «пробуждения» в стране и желание содействовать ему и в обществе, и в Церкви. Верующий понимается как городской страж в Писании, который должен предупреждать горожан об опасности. «Новые» пятидесятники, основываясь на Иез. 22: 30–31: «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю...», — убеждены, что им нужно «стать в проломе» за свой народ. Верующие молятся также за изменение уже современной страны, даже за покаяние мафии. Некоторые «новые» пятидесятники полагают, что у России есть особая эсхатологическая роль. Интересно, что такой точки зрения придерживаются две церкви, принадлежащие к разным полюсам харизматического движения: «Новое поколение» (Благовещенск), пастор которой Михаил Дарбинян ссылается на пророчества западных проповедников, и «Краеугольный камень» (Казань); руководитель ходатайственного служения Сергей Римашевский полагает, что Россия будет центром «последнего пробуждения» потому, что ее освящает кровь ее мучеников, и потому, что Запад, в отличие

* Церковь «Преображение», г. Кострома. Россия сегодня // <http://www.kostroma.3dn.ru/publ/3-1-0-3>.

от России, погряз в индивидуализме. Как видим, вполне сохраняются общие черты национального эсхатологического мифа.

В целом нужно отметить, что проблема совмещения этнической и религиозной самоидентификации далеко не решена, редко порождая гармоничный синтез. В традиционных этнических сообществах, с одной стороны, возрождается национальное самосознание при принятии пятидесятничества, с другой — формируется принципиально другая, надэтническая идентичность. Что касается самоидентификации русских «новых» пятидесятников, то часть их, представляющая фундаменталистское крыло, игнорирует русскую культуру, стремясь создать новую идентичность, основанную на западных ценностях, часть (интеллектуальная элита) ищет стратегии инкультурации в национальную традицию и соответственно гармоничного совмещения этнической и религиозной идентичности, большая же часть церквей, мало задаваясь теоретическими вопросами (однако волей-неволей приспособлявая богословские концепты вроде «теологии процветания» к национальной специфике), стремится показать себя честными гражданами, которые усердно трудятся для своей Родины и молятся за ее покаяние, и в этом видит оправдание своей «нерусской» религиозной идентичности.

